

Дворец Чанлэ, закат.

Несколько юных служанок шли вместе, проходя вдоль галереи. Хотя дворцовые правила были строги, молоденькие девчужки не могли удержаться от болтовни.

— Принцесса всё ещё болеет?

— Да, она всё ещё больна, и дворцовые ворота закрыты.

— Сегодня я вышла через маленькую дверь, чтобы взять нитки и иголки, и видела, как господин Мин стоит у входа во дворец.

— Господин Мин? Он не только сегодня, но и два дня назад тоже был там. Принцесса болеет три дня, и он стоит там три дня.

— Неужели он настолько предан? Разве не говорят, что принцесса к нему...

— Тссс, не говорите об этом. Если это дойдёт до тётушки Чжоу, нам всем достанется.

Всем известно, что во дворце Великой Инь есть только одна принцесса.

— Великая принцесса Жун Цзянь, драгоценная и благородная, стоящая выше всех, кроме одного человека.

Пока служанки продолжали болтать, вдруг медленно открылось окно.

Рука, открывшая его, была прекрасна: запястье белее снега, пальцы длинные и тонкие, кончики слегка розовые.

Служанка, шедшая впереди, случайно увидела человека в окне и вскрикнула.

Сидевший у окна, подпирая подбородок, был Великая принцесса Жун Цзянь.

Он наклонил голову, волосы не были убраны, лишь свободно перевязаны лентой, пряди спадали на виски, закрывая часть лица. В его опущенных глазах была какая-то спокойная, загадочная красота.

Он был изящен и прекрасен, словно нежный румянец на молодом лице.

Служанки не ожидали, что их тихий разговор услышат, и в панике бросились на колени, умоляя о прощении.

— Ваше Высочество, простите нас, мы знаем, что ошиблись.

Жун Цзянь смотрел на этих девушек лет четырнадцати-пятнадцати и слегка нахмурился. Его голос был тихим, чистым и приятным:

— Встаньте.

Служанки, зная, что совершили большую ошибку, переглянулись и, запинаясь, не решались подняться.

Жун Цзянь, видя это, казалось, немного сдался, постучал костяшками пальцев по столу:

— Я попрошу вас кое о чём.

Одна из смелых служанок сказала:

— Приказ Вашего Высочества — это не просьба.

Жун Цзянь подумал некоторое время, прежде чем сказать:

— Вы говорили, что господин Мин всё ещё ждёт у входа. В таком случае, попросите его войти.

Не нужно было посылать всех четверых, одна из служанок сразу же ушла выполнить приказ. Остальные, словно испуганные перепёлки, сбились в кучу, дрожа, зная, что совершили большую ошибку, и не смея даже дышать.

Жун Цзянь вздохнул и тихо сказал:

— Вы знаете, что нельзя, чтобы другие слышали. В следующий раз так не делайте.

Служанки, почувствовав облегчение, зная, что принцесса их простила, поспешно поблагодарили.

В глазах Жун Цзяня такие молоденькие девушки были ещё детьми, и их слова не могли быть преступлением. Но в этих дворцовых стенах никто не мог оставаться настоящим ребёнком.

Жун Цзянь больше ничего не сказал, подпирая подбородок, он смотрел на дорогу, ведущую из дворца Чанлэ.

Через некоторое время вдали появились две фигуры, остановившиеся у красных ворот дворца.

Взгляд Жун Цзяня остановился на человеке сзади.

Под тенью ветвей стоял человек с фигурой, словно высеченной из яшмы, на каменной плите перед дворцом Чанлэ. Он был высоким, с худощавой фигурой юноши, но прекрасно смотрелся в алой одежде.

Жун Цзянь думал, что, скрытый оконной решёткой, он не будет замечен. Но чувства этого человека, казалось, были очень острыми, и он что-то почувствовал, поднял голову, и их взгляды встретились через окно.

У него были чёрные, как ночь без звёзд и луны, глаза, словно озёра, окружённые высокими деревьями, глубокие и безмолвные, серо-голубая поверхность была видна, но полностью непроницаема.

Жун Цзянь почувствовал странный холод и отвёл взгляд.

Этот человек был главным героем книги — Мин Е.

Да, Жун Цзянь попал в книгу, это был его четвёртый день в ней, и он впервые увидел главного героя.

И Жун Цзянь, к сожалению, попал в роль второстепенного персонажа, который не появлялся в книге, — рано умершего белого лунного света главного героя, ограниченного до конца истории. Потому что в финале Великая принцесса превратилась в чёрный лунный свет, чей труп был выкопан и избит. В устах второстепенных персонажей смерть Великой принцессы

Жун Цзянь была тесно связана с главным героем.

Полусонный, принимая воспоминания оригинала за эти несколько дней, он понял, что дела, связанные с Мин Е, были не так уж многочисленны, но почти каждое из них было на грани.

Жун Цзянь не мог не восхититься, это действительно был чёрный лунный свет, ведь он не упустил ни одной возможности унижить главного героя, но окружающие думали, что принцесса питает к Мин Е особые чувства.

Попав в книгу, Жун Цзянь понял своё положение и не собирался больше связываться с Мин Е. Читая роман, он действительно восхищался главным героем, но это была любовь к бумажному персонажу, а когда дело касалось его собственной жизни, Жун Цзянь всё же предпочитал сохранить свою шкуру.

Но сегодня, едва придя в себя, он хотел подышать свежим воздухом у окна, но услышал болтовню служанок и почувствовал жалость.

Оригинал заставлял Мин Е приносить цветы, чтобы окружающие думали, что он, простолюдин, хочет добиться благосклонности принцессы, чтобы вызвать насмешки.

Жун Цзянь болел три дня, и Мин Е ждал снаружи три дня.

До ключевого момента в книге оставался год или два, Жун Цзянь подумал немного и решил, что это не такая уж большая проблема.

Нельзя было позволить восемнадцатилетнему, нищему Мин Е ждать вечно.

Через мгновение Мин Е вошёл в зал, и Жун Цзянь смог разглядеть его лицо.

Закат окрашивал мир в золото, дрожащие тени падали на красные оконные рамы, словно разделяя всё на две части: светлую и тёмную.

Мин Е стоял в тусклом свете.

Он был красив, с высоко завязанными волосами, с холодным и отстранённым выражением лица, держа в руках несколько веток камелии, сорванных утром.

А сейчас был уже вечер.

Лицо Жун Цзяня было бледным, он знал, что нужно поддерживать образ, сжал губы и сказал:

— Раз уж цветы доставлены, господин Мин может удалиться.

Мин Е стоял в трёх шагах, слегка подняв голову. В его голосе не было эмоций, он говорил как будто небрежно, словно ему было всё равно, сколько времени он ждал и кто заставил его ждать, просто констатировал факт:

— Ваше Высочество, эти цветы уже увяли.

Жун Цзянь замешкался. Он хотел помочь главному герою найти оправдание, но тот, казалось, был слишком ответственен и не принимал помощи, а теперь цветов уже не найти, и последствия провала были бы ещё серьёзнее. Руководствуясь желанием помочь до конца, Жун Цзянь, как человек, который только три дня как оказался в этом мире и ещё не разобрался в своём положении, подумал немного и наконец нашёл ещё одну отговорку:

— Вечереет, такие цветы как раз подходят для сумерек.

Мин Е посмотрел на него, но прежде чем Жун Цзянь это почувствовал, он отвёл взгляд и больше ничего не сказал, а подошёл и передал цветы Жун Цзяню.

По правилам, хотя принцесса и была благородной особой, но всё же женщиной, и встреча с мужчиной без сопровождения была не совсем уместна. Мин Е тоже не задержался и покинул покои принцессы.

Жун Цзянь был немного ошеломлён, наблюдая, как алый подол исчезает из виду.

Он ушёл.

Разве он не ждал три дня, и даже служанки, проходя мимо, хвалили его за преданность? Хотя конец был трагичным, но разве не говорили, что он был белым лунным светом главного героя на протяжении 99% книги?

Жун Цзянь не видел здесь преданности и не чувствовал никакой особой привязанности.

В общем, Жун Цзянь не понял и не особо задумывался, ведь он не собирался в будущем слишком связываться с главным героем, лучше всего быть просто прохожими.

Держа в руках ветки камелии, Жун Цзянь был в затруднении.

В своей прошлой жизни он редко имел дело с цветами, и у него не было таланта к этому, подумав немного, он решил справиться своими силами.

А в это время Мин Е вернулся в своё жилище.

Мин Е жил недалеко от дворца Чанлэ, в стороне от главных дорог, в маленьком дворе, где было мало людей.

Небо опустилось, зажглись фонари.

Мин Е вошёл в дом, это была очень маленькая комната, почти без мебели, только кровать, стол, стул и шкаф, на столе стояла чашка, даже места для кипячения воды не было.

Мин Е достал лист бумаги и написал на нём четыре иероглифа: «Принцесса изменилась».

Положив кисть, он остановился на мгновение, не положив письмо в конверт.

Он вспомнил Жун Цзяня, которого видел на закате.

«Он был изящен и прекрасен, словно нежный румянец на молодом лице.» — Цюй Юань
«Большое призвание»

<http://bllate.org/book/16310/1471347>